

«Московский наблюдатель». Автоэпитафия

7 февраля исполнилось 10 лет со дня выхода в свет первого номера журнала «Московский наблюдатель». Не стоит надеяться, что эту дату отметит кто-нибудь кроме нас самих, причастных его рождению и его судьбе. Достаточно и того, что он был безразличен определённому кругу читателей. Узок был этот круг (что правда, то правда). И страшно далёк от тех, кто манипулирует массовым сознанием.

Нынешний «Театр» — прямой наследник «Московского наблюдателя». А тот в свою очередь вышел из старого журнала «Театр». И то и другое случилось не от хорошей жизни. Зато в присутствии любви.

А теперь, уж простите, несколько слов о самих себе. В жанре автоэпитафии, не лишённой известного оптимизма.

Инна Соловьёва

Некоторое время тому назад в Соединённых Штатах затевали энциклопедию русского театра, не слишком пространную, в одном томе. Для неё в 1992-м или в 1993-м была написана справка, копирую: «МОСКОВСКИЙ НАБЛЮДАТЕЛЬ» — театральный ежемесячный журнал, выходит с января 1991. Главный редактор — В. Семеновский, ответственный секретарь — А. Заславская, в редколлегию входят критики В. Гаевский, Н. Крымова, В. Максимова, Ю. Рыбаков, А. Свободин, А. Смелянский, И. Соловьёва, М. Туровская. Они остаются постоянными авторами. Печатаются также критики среднего и младшего поколения — Е. Горфункель, М. Дмитриевская, Р. Должанский, О. Егошина, М. Зайонц, Г. Заславский, А. Карась, А. Соколянский, М. Смоляницкий, М. Тимашева, Б. Тулинцев и др. Журнал предлагает разборы спектаклей, портреты актёров и режиссёров, освещает текущую театральную жизнь Москвы и Петербурга; в разделе «Пантеон» представляет новый взгляд на крупнейшие явления театральной культуры прошлого или возвращает отодвинутые в тень фигуры. Журнал иллюстрирован».

Следы энциклопедии, для которой сочинена справка, сгинули — всё выходит не так, как загадывается. А редактором ежемесячного театрального журнала, дотянувшего с перерывами до 1998 года, от первого до последнего выпуска действительно был Валерий Семеновский. Это он, авантюрист, отменил парад имён в редколлегии — или, хуже того, счёл парадными те имена, которые приведены в справке. В первом номере было ещё имя Владислава Иванова, ко второму номеру что-то стряслось. Что удивляться ссорам — удивительно другое: десятка критиков долго и с толком работала сообща (это при том, что в одной берлоге...). Действительно с толком, — комплект этого журнала стоит беречь как целое. Ни в коем случае не вырезать статьи «по авторам»: не в них дело, а в общем ходе театральной реальности, как она отразилась в номерах. Отразилась, отразилась. Даже в сбоях выхода номеров, в изменениях внутренних пропорций (как одно время разрасстался раздел «Пантеон», в поисках культурной опоры в момент неприличных обвалов...).

Журнал, взяв имя наблюдателя и из года в год на меняющихся обложках сохраняя

свой постоянный знак — маленький бинокль, возник в расчёте на то, какие прекрасные картины пройдут перед умными окулярами. Всё вроде бы шло к тому.

На обложке первого номера (четвёртая сторона) был напечатан портрет графини Шереметевой, она же Параша Жемчугова. Графиню-актрису художник писал перед родами. Вряд ли сознательно искали символику, но так вышло. Первый номер сдали в набор 16 ноября 1990 года, подписали в печать 29 декабря. Время было на сносях. Журнал был готов.

Судьба журнала Семеновского — образцовый пример того, как у нас в России (а может быть, и везде — не знаю) ход событий предъявляет свои требования, и требуемое возникает, а история — чёрт её знает как — вдруг искривит линию, двинет не так, как сама же она залаживала.

Созданный для того, чтобы отслеживать расцвет, журнал попал во времена художественно небогатые, перебивавшиеся с хлеба на квас и находившие вкус именно в грубой пище.

Вообще-то дар создателя журнала — критика-острослова с реакциями стремительными, с пристрастиями такими же

активными, как и антипатии, с щеголева-той каллиграфичностью литературного почерка и умением врезать промеж глаз — дар Семеновского мог бы сделать его лидером того самого жёсткого направления в театральной журналистике, которому он пошёл наперекор.

Из «Московского наблюдателя», научась здесь чему-то или укравши нечто, выпорхнули едва ли не все лидеры нынешнего бесстрашного рецензентства — они живут именно так, как отказывались жить в этом журнале.

«Московский наблюдатель» Валерия Семеновского, с его волей к культуре и с его окриками «Нельзя!» (была такая рубрика), прожил прекрасно и невпопад. Тем и был полезен. Тем и будь помянут.

Вадим Гаевский

Восемь лет «Московского наблюдателя» — или восемь лет с «Московским наблюдателем» — пролетели незаметно, как счастливый сон, оставив впечатление сказочной лёгкости, веселья и удачи. На самом деле всё было, конечно, не так: изнурительный труд редакторов, сомнительные действия коммерческих партнёров, появления и исчезновения молодых сотрудников, вчерашних студентов, и постоянная спешка у нас, немолодых членов редколлегии, подгоняемая всё ещё звучащими в памяти неумолимыми словами: в номер! в номер! Журнал в конце концов перестал выходить — но не потому что мы — или другие авторы — не успевали, и уж совсем не потому, что он стал хуже, — вовсе нет: от номера к номеру становился лучше. Причина была в другом, и не об этом идёт речь, тем более что сейчас всем понятно, что цель была достигнута и в главном мы все победили. А ведь поначалу победа не казалась бесспорной. В театральной критике возобладал новый стереотип, утвердилась ориентация на массовую культуру и журналистскую попсу, поэтому возрождение профессиональной критики — а это и была наша основная задача — не сулила безоговорочного успеха. И тем не менее успех пришёл — сразу же, после первого номера. А потом — нарастал. Да и мы, немолодые члены редколлегии, сразу помолодели. И стали писать лучше и больше, чем прежде. Вот почему я вспоминаю о тех восьми наших сезонах как о сказочном сне, и лишь тайно мечтаю о том, чтобы он повторился.

Елена Горфункель

Через сто лет потомки спросят: а что делал театр, когда вся страна перестраивалась? Уже сейчас мы можем ответить им: театр растерялся. Шутили насчёт «диктатуры совести», призывали зарабатывать деньги вместо того, чтобы предаваться чистому искусству, расплодили никуда не годные антрепризы... На этом жалком фоне заигрывания с новым временем возникли «Московский наблюдатель» и издательство «АРТ». Они и были пионерами следующей театральной эпохи.

Они ничего не сбрасывали с корабля, который шёл без оглядки в неизвестное. Наоборот, они взяли с собой всё лучшее. Редколлегия «Московского наблюдателя» состояла из безусловных авторитетов, из того актива, который обеспечил репутацию журнала «Театр» в 60-е и 70-е годы. «Московский наблюдатель» стал мостом, переброшенным через долгое безвременье. Тактика оказалась верной. Журнал, просто театральный журнал, сделал то, чего испугался театр: поднялся над ситуацией.

За «Наблюдателем» потянулись другие театральные издания, но мужества и достоинства хватило только на один театральный журнал. Почему он просуществовал только восемь лет? В театральных кругах обсуждали по крайней мере три версии, так или иначе связанные с деньгами, вернее, с их отсутствием. Прибавлю ещё одну, самую идеалистическую, — не хватило Театра, того материала, без которого театральный журнал не нужен. Наш театр только сейчас поднимается.

Майя Туровская

...Век «Московского наблюдателя», как, впрочем, многих русских, советских и постсоветских журналов, был недолог, но я вспоминаю о нём с благодарностью. У него было существенное преимущество: он не был учреждён как «главный» и не обязан был быть «ведущим», как прежде выражались, театральным журналом.

«Наблюдатель» — хорошее слово, тем более, оно не было придумано заново, а по моде тех лет вернулось из небытия. «М.Н.» мог позволить себе быть журналом «с направлением», даже если направление, в сущности, было одно: профессиональный уровень.

В своё время я пролила немало ещё

бывших в употреблении чернил, чтобы доказать необходимость института обозревателей в газете, иначе говоря, поврежденной критики. Когда из советской сказки это, наконец, стало постсоветской былью, оказалось, что жёсткая конкуренция времён сверхнового капитализма чревата столь жёсткой борьбой за выживание, что это делает критику поневоле агрессивной, занятой не театром в себе, а собою в театре. То есть «журналистской», а не профессиональной. И это не каприз, а *modus vivendi*.

«М.Н.» давал в этом смысле возможность известной ноншалантности. Что греха таить, он был не только «направленческим», но и «поколенческим». Не в смысле возрастного ценза («критиков моложе 50 просят не беспокоиться») — как раз наоборот, он был заинтересован в молодёжи. Но предполагалась некая дружеская атмосфера и взаимотерпимость.

Конечно, периодические встречи «редколлегии» уже не тянули на громокипящую профессионально-клубную тусовку в старом «оттепельном» «Театре» на Кузнецком с продолжением в кафе «Артистическом» (блинчики, эскалоп, чёрный кофе). Они чаще всего плавно переходили в чаепитие со скромным, но обязательным угощением и с необязательными, но острыми «выясняловками». Тогда это больше напоминало мне «безумное чаепитие» между Мартовским Зайцем и Шляпником. Я, впрочем, в силу обстоятельств, посещала их реже других и многие головокружительные повороты интриги остались мне невдомёк. Всё же, думаю, журнал погиб не от внутренних кризисов, которые чаще служат признаком жизни, чем наоборот, а по внешним грубо-материальным причинам. Ноншалантность в наше время дорого стоит (вспомним столь же прелестную, сколь недолговечную «поколенческую» «Столицу»). Быть может, порох надо не только держать сухим, но и время от времени употреблять в дело, вывести бронепоезд с запасного пути и прочая, и прочая. Может быть, новому «Театру» стоит внимательно проанализировать опыт «М.Н.». Впрочем, повторю, я нерадивый посетитель кулис, как театральных, так и финансово-политических. Всё же хотелось бы, чтобы было место встречи критики, которому изменить нельзя.

Мир праху «Московского наблюдателя». Пусть послужит будущим историкам, как нам служил его тёзка. Amen.

